

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»)

ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ
КАФЕДРА АНГЛИЙСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

**Лингвистические средства вербализации концептов «судьба» и «вера»
в поэтическом дискурсе (на примере поэзии Уолта Уитмена)**

**Выпускная квалификационная работа по направлению
44.03.05 Педагогическое образование
(с двумя профилями подготовки)**

**Направленность программы бакалавриата
«Английский язык. Иностранный язык»
Форма обучения очная**

Проверка на объем заимствований:
66,57% авторского текста
Работа рекомендована к защите
«18» июня 2024 г
зав. кафедрой английской
филологии Афанасьева О.Ю.

Выполнила:
Студентка группы ОФ-503/092-5-1
Серебрякова Дарья Александровна
Научный руководитель:
кандидат филологических наук, доцент
Баландина Ирина Давидовна

Челябинск
2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. КАТЕГОРИЯ ДИСКУРСА И ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТА	8
1. 1. Этимология понятия “дискурс” и подходы к его определению.....	8
1. 2 Особенности поэтического дискурса	11
1. 3. Концепт как базовое понятие когнитивной лингвистики и средства его вербализации	14
Выводы по главе 1	27
ГЛАВА 2. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТОВ «СУДЬБА» И «ВЕРА» НА ПРИМЕРЕ ПОЭЗИИ УОЛТА УИТМЕНА	30
2. 1. Анализ лексико-синтаксических средств вербализации концептов в поэтическом дискурсе	30
2. 2 Методический комплекс упражнений на лексику для применения на уроках английского языка	44
Выводы по главе 2.....	49
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	51
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	52
ПРИЛОЖЕНИЕ 1.....	57

ВВЕДЕНИЕ

Процесс формирования современной лингвистики в своей сущности отражает парадигмальные сдвиги в особенностях осмысления всего человеческого опыта, касаясь таких его сфер как наука, культура и идеология. Изобилие существующих на сегодняшний день подходов к объяснению природы языка, его связи с мышлением человека, роли в формировании картины мира индивида, общества и, по мнению многих исследователей, целых наций, порождает широкое поле для интерпретации тех или иных явлений общественной жизни. Обращаясь к гипотезе лингвистической относительности Сепира-Уорфа, видению Вильгельма фон Гумбольдта “внутренней формы языка” как выражения индивидуального мирозерцания народа, современные исследователи приходят к порою неоднозначным предположениям о мотивации и характере тех или иных культурных явлений, к возможности сопоставления языковых картин мира целых этносов и их критической оценки.

Обретенный лингвистами потенциал к подобной широте научных изысканий восходит к такому современному и активно развивающемуся направлению науки о языке как когнитивная лингвистика, отличительная черта которой обнаруживает себя в изменении познавательных установок, снимая запрет на рассмотрение “далеких от поверхности” и недоступных непосредственному наблюдению конструктов. В когнитивной лингвистике, исследованием которой занимались такие представители научной мысли как А. Вежбицкая, Н. Хомский, Е. С. Кубрякова, Д. С. Лихачев, Р. Джекендофф, А. П. Бабушкин, З. Д. Попова, И. А. Стернин, В. А. Маслова, С. А. Аскольдов, В. И. Карасик и другие, таковые именуются концептами, а смысловое поле, выступающее пространством для их воплощения в речи, называют дискурсом.

В эпоху кризиса постмодернистской культуры, допустившей деконструкцию общечеловеческих смыслов [10], проблема их вербализации

и толкования в пределах языкового регистра является особенно актуальной. Она являет себя всякий раз, когда субъект оказывается в ситуации морально-этического выбора, испытывает необходимость выразить согласие или несогласие с теми или иными взглядами, определить собственные границы и содержание вышеупомянутых концептов, дать оценку феноменам общественной жизни, сформировать и изъяснить свое собственное видение. Данная проблематика затрагивает политическую, экономическую, социальную и духовно-культурную сферы жизни общества.

Стоит отметить, что наиболее частотно воспроизводимые в контекстах данных сфер жизни общества лексемы, отражающие общечеловеческие социально-культурные и этические категории, например, “свобода”, “долг”, “справедливость”, “добро”, “зло”, “истина”, “собственность” и многие другие являются примерами концептов, терминами, представляющими собою ментальные образования, специфичные не только для каждого народа, но и для обособленных человеческих единиц [37]. В связи с этим, вариативность интерпретации единиц речи, заключающих в себе концепты, лежит в основе не только трудностей перевода и осуществления успешной межкультурной коммуникации, но и в основе идеологических конфликтов, конфликтов межнациональных, межгрупповых и межличностных. Способность данного рода терминов обуславливать глубокие острые реакции у реципиентов представляет собою интерес для исследования.

В пределах данной работы исследованию подлежат такие концепты как «судьба» и «вера», так как они выступают многогранными и насыщенными смыслами носителями человеческого опыта, сопровождавшими становление цивилизации сквозь века, играя значительную роль в формировании культуры, систем верований и общественного сознания. Вместе с тем, образы судьбы и веры глубоко сопряжены с эмоциональной сферой каждого из людей, способами

адаптации к окружающей среде и внутренним миром. В современном быстро меняющемся мире эти аспекты становятся как никогда актуальны, и их исследование может внести вклад в актуальное понимание идентичности, этики, духовности и стойкости перед лицом социальных метаморфоз.

Для глубокого проникновения в сущность данных концептов нами было решено обратиться к поэтическому дискурсу, так как он исконно служит пространством жизни «возвышенного» и нематериального, ассоциируясь с абстракциями высокого порядка, коими и выступают интересующие нас концепты. В пределах поэтического дискурса одним из художественных направлений, к ним обращенных, является трансцендентализм – потомок мысли романтиков, озадаченных целью своего пребывания в мире. Трансцендентализм продолжает романтическую традицию проживания человеком своей «избранности», однако, привносит жизнеутверждающий элемент обращенности к мирозданию как к совершенному творению, где всякий феномен органично вписан в Божий план. Вместе с тем, трансценденталисты имеют особенное понимание божественного, отличное от конвенционального религиозного видения. Таким образом, изучая поэтический дискурс, мы обратились именно к этому направлению, а в качестве конкретного поэта, творчество которого изучалось, нами был избран Уолт Уитмен – одна из его ключевых фигур и новатор свободного стиха, поэтической формы, лингвокогнитивный аспект которой на сегодняшний день недостаточно изучен. Актуальность проблемы недостаточной изученности природы воплощения в речи абстрактных категорий мышления человека при их высокой воспроизводимости в современном мире в виде концептов, определила тему исследования.

Объектом исследования является поэтический дискурс, а предметом исследования выступают лингвистические средства вербализации концептов «вера» и «судьба».

Целью данной работы выступает выявление и анализ лингвистических средств, применяемых для вербализации вышеупомянутых концептов и особенностей их функционирования.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

1. Определение основных терминологических единиц когнитивной лингвистики: “дискурс” и “концепт”.
2. Изучение особенностей поэтического дискурса.
3. Исследование языковых средств, с помощью которых реализуются концепты в поэтическом дискурсе.
4. Демонстрация механизмов вербализации концептов “судьба” и “вера” в поэзии Уолта Уитмена.
5. Разработка методических рекомендаций с использованием материалов исследования.

Материалом исследования выступают поэтические работы из сборника стихотворений Уолта Уитмена «Листья травы»: «Песнь о себе», «Осенние ручьи», «Гордая музыка бури», «Salut au monde», «Записи», «Песня открытой дороги», «Аир» и другие. В исследовании были применены методы семантико-стилистического, компонентного, количественного и контекстуального анализа, метод полевой структуры концепта, метод сплошной выборки.

Теоретическая значимость исследования заключается в обогащении текущего знания о механизмах реализации концептов в поэтическом дискурсе вообще и в поэтическом дискурсе Уолта Уитмена в частности.

Практическая значимость работы заключается в возможности применения её материалов и результатов в учебном процессе как дополнение к школьному курсу английского языка.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Дискурс и концепт занимают ключевые позиции в системе современного знания. Понимание их функционирования выступает

наущной необходимостью современного человека, так они конституируют его языковую картину мира.

2. Поэтический дискурс обладает особенностями, отличающими его от любых других типов дискурса, основная из которых – возможность переосмысления автором общенационального концепта и созидания новых ценностей.

3. Лингвистические средства вербализуют концепт, воздействуя на реципиента на всех ярусах языка, подсказывая ассоциации и стимулируя реконструкцию образов и идей мыслительной деятельностью.

4. Лингвистическими средствами вербализации концептов «судьба» и «вера» в поэтическом дискурсе Уолта Уитмена выступают преимущественно синтаксические параллелизмы, анафоры и эпифоры, эпитеты, сравнения, метафоры и олицетворения.

5. Методический комплекс, разработанный с использованием результатов исследования, эффективно дополняет школьный курс английского языка в старших классах, выступает средством обогащения словарного запаса, развития критического и абстрактного мышления, а также может быть использован как в рамках программы, так и на факультативных занятиях.

Работа состоит из введения, двух глав, выводов по главам, заключения, приложений и списка использованной литературы.

ГЛАВА 1. КАТЕГОРИЯ ДИСКУРСА И ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТА

1. 1. Этимология понятия “дискурс” и подходы к его определению

Дискурсивная теория является одним из направлений лингвистики сегодняшнего дня, развивающихся активнейшим образом. Роль, которую в рамках данной теории играет дискурс, сравнивают с отведенной евро в европейской экономике [7, с. 11]. Интерпретация дискурса в широком смысле соотносима с его описанием в качестве «родовой категории по отношению к понятиям речь, текст, диалог» [7, с. 90]. Последние исследования раскрывают дискурс как комплексное коммуникативное явление, помимо текста включающее в себя экстралингвистические факторы [35, с. 20-26]. Один из наиболее влиятельных исследователей дискурсивных практик, Мишель Фуко, обнаруживал в дискурсе «тонкую контактирующую поверхность, сближающую язык и реальность» [42].

Отечественный лингвист Н.Д. Арутюнова предлагает следующее определение: «Дискурс (от фр. discours – речь) – связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизма их сознания, речь “погруженная в жизнь” [34, с. 136-137]. Е.С. Кубрякова, рассматривая определение дискурса как речи, погруженной в жизнь, уделяет внимание наличию лингвистического аспекта, пребывающего в тесном взаимодействии с социокультурными характеристиками: местом и временем реализации типом, задачами социального порядка, поставленными перед говорящими. Исследовательница описывает дискурс как форму применения языка в реальном времени, отражающую некий тип социальной активности человека, конструирующую аутентичный мир или его образ при помощи лингвистического описания. Данная форма есть масштабный аспект

процесса коммуникации, поэтому её реализация подразумевает наличие участников коммуникации, а в ходе реализации опирается на наличествующие условия и заданную цель [19].

В научной литературе, представленной на английском языке, понятие дискурса интерпретируют в качестве любой связной последовательности устных или письменных предложений, таких как статья, интервью или речь политика [44, С. 100–101]. В то же время это может быть серьезным выступлением устного или письменного характера на определенную тему или беседой между людьми на значимую для них тему [45, С. 236–237]. В рамках данного подхода становится видимым сходство дискурса и текста. К.Ф. Седов [38, с. 5] понимает слово «дискурс» как «целостное речевое произведение в многообразии его когнитивно-коммуникативных функций», В.В. Красных [35, с. 190-192] же определяет дискурс как «вербализованную речемыслительную деятельность, включающую в себя не только собственно лингвистические, но и экстралингвистические компоненты» и видит текст как «основную единицу дискурса». Уделяя внимание расхождениям в доступных определениях, исследователи соглашаются в том, что дискурс есть проявление речевой деятельности. Речевая же деятельность как таковая выступает сферой существования дискурса. По мнению крупнейшего отечественного лингвиста Ю.С. Степанова, дискурс – это «язык в языке», но реально существующий не в виде своей грамматики и своего лексикона, а прежде всего в текстах, за которыми встает особая грамматика, особая лексика, особая семантика, т.е. «особый мир», «альтернативный мир». [39, с. 670-678].

Суммируя приведенные выше характеристики относительно термина «дискурс», Ю.Е. Прохоров размещает его «между следующими границами: во-первых, дискурс есть текст (часть текста, тип текста, состояние текста и т.п.) – текст есть дискурс (часть дискурса, тип дискурса, состояние дискурса); во-вторых, дискурс есть произведение – дискурс есть употребление, деятельность» [35, с. 27-28]. Ю.Е. Прохоров делает вывод,

что текст и дискурс – и неслиянны, и нерасторжимы, сосуществуя в структуре и содержании коммуникации. Т.А. Ван Дейк выделяет для дискурса только вербальную составляющую коммуникативного действия и характеризует ее как «текст» или «разговор» [5, с. 24-48]. Д. Кристал поддерживает точку зрения тех лингвистов, которые настаивают на рассмотрении всех проявлений языка в динамике, в активном живом общении (говорящий – слушающий, писатель – читатель), так как полный смысл и текста, и дискурса раскрывается не в отдельных предложениях, а в знаниях, информации о мире, о ситуации, в которой происходит общение [43, с. 116–117]. Семантика дискурса трактуется как совокупность интенций и пропозициональных установок в общении, а его прагматика как способ выражения соответствующих интенций и установок [43, с. 270-277]. Современные исследования дискурса обращены и к его содержанию, и к его функционированию.

Методы, используемые различными школами дискурсивного анализа, весьма разнообразны, их выбор зависит от предмета научных поисков исследователей. В частности, анализ бытового диалога опирается на естественный материал, и широкий круг методологических вопросов открывает необходимость транскрибирования устного дискурса, в то время как письменный дискурс часто подлежит трактовке посредством концептуального анализа [7]. Его объектами являются концепты репрезентуемые отдельными лексемами, словосочетаниями, текстами и, порою, целыми произведениями. Каждый концепт обладает рядом концептуальных характеристик. Например, концепт «Телефон» обладает такими характеристиками, как «связь, стоимость, типы телефонов, переговорный пункт, сотовая связь, престиж» и так далее. Эти концептуальные характеристики выявляются через значения языковых единиц, вербализующих данный концепт через словарные толкования, речевые контексты. Концепт может получить полевое описание – в терминах ядра и периферии. К ядру будут относиться прототипические слои

с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью, первичные наиболее яркие образы; более абстрактные признаки составят периферию концепта. Периферийный статус того или иного концептуального признака вовсе не свидетельствует о его малозначности или маловажности в поле концепта, статус признака указывает на меру его удаленности от ядра по степени конкретности и наглядности образного представления [32]. Выявление концептуальных характеристик через анализ языковых определений называется концептуальным анализом – одним из методов исследования, предпринятых в данной работе.

Таким образом, можно сделать вывод, что дискурс создаётся в определённом смысловом поле и призван передавать определённые смыслы, будучи нацеленным на коммуникативные действия со свойственной им грамматикой. Решающим критерием дискурса оказывается особая языковая среда, в которой создаются языковые конструкции. В соответствии с этим пониманием дискурс — это «язык в языке», то есть определённая лексика, семантика, прагматика и синтаксис, проявляющие себя как идеология в актуализируемых коммуникативных актах, речи и текстах.

1. 2 Особенности поэтического дискурса

В широком смысле различают две категории дискурса: личностно-ориентированный и статусно-ориентированный. Данная категоризация зиждится на масштабах транслирующей инстанции и реципиента. Статусно-ориентированный дискурс, как правило, носит институциональный характер и уже в зависимости от того, за какую из сфер из жизни общества ответственна конкретная институция, обретает свою специфику, как то: дискурс научный, политический, религиозный, спортивный и так далее. Мы не обнаруживаем на этом уровне дискурса поэтического, являющегося специфичной разновидностью художественного, ведь художественное

обращение – это коммуникация порядка «автор-читатель», а значит, категория дискурса личностно-ориентированного.

Рассмотрим подробнее данную категорию. В её пределах отличают бытовой дискурс и бытийный дискурс. Бытовой дискурс является обиходным и актуализируется в повседневной речи людей, когда она касается проблематики материального и вещественного толка. Такая речь конкретна и имеет вполне определенную прикладную функцию. В пределах бытийного дискурса происходит то, чего мы не обнаруживаем, будучи частью дискурса бытового. Осуществляются попытки раскрытия внутреннего мира, а коммуникация наделена развернутым, наполненным смыслами качеством, применяются все формы речи на базе литературного языка; бытийное общение по большей части имеет монологичный характер. Оно представлено произведениями художественной литературы, философскими, психологическими интроспективными текстами. Существует прямой и опосредованный бытийный дискурс. Прямой бытийный дискурс представлен двумя противоположными видами: смысловой переход и смысловой прорыв [16].

Композиционно-речевая форма смыслового перехода – рассуждение, вербализация мыслей и чувств, назначение коего в определении неочевидных явлений, относящихся к внешнему или внутреннему миру человека. Смысловой прорыв распознается как озарение, внезапное понимание сути дела, душевного состояния, положения вещей. Композиционно-речевая форма смыслового прорыва – текстовый поток образов, своеобразная магма смыслов, обособленных от своих ближайших ментальных образований. Возможна реализация в форме координативного перечисления разноплановых и несочетаемых сущностей или явлений, катахреза как сочетание несовместимых признаков, намеренный алогизм. Континуальное состояние сознания перестраивается и структурируется по новым ориентирам, вдохновленное определенными образными опорами. Подобная реструктуризация идет рука об руку с сильным эмоциональным

потрясением и обладает фасцинативным притяжением. Тексты данного порядка подразумевают неоднократное повторение, где каждое из них должно осознаваться как ценный опыт [16].

Бытийный дискурс во многих отношениях диаметрально противоположен бытовому, но сходен с ним в одном важном качестве: в опоре на активное осмысление содержания речи со стороны адресата. Личностно - ориентированное общение строится на широком смысловом поле в сознании адресата, хотя природа расширения смыслов в бытовом и бытийном общении различна. В первом случае осознание смысла зависит от конкретной ситуации общения, во втором - от формы знака и личностной концептосферы адресата. В лингвистических исследованиях именно бытийный дискурс выступает родовым понятием по отношению к дискурсу поэтическому [14].

А. А. Потебня в своем труде «Слово и миф», а именно его разделе, посвященном соотношению психологии «прозаического и поэтического мышления, приводит отрывок из учебника русской словесности А. Галахова: «Поэзия как искусство представляет сущность предметов, их идею, не отвлеченно, не в суждениях, а образами». Общая формула поэзии есть “А(образ) < X(значение)”, то есть между образом и значением всегда существует такого рода неравенство, что $A < X$. Установление равенства между А и X уничтожило бы поэтичность, то есть превратило бы образ в научный факт. В поэзии образ неподвижен, значение изменчиво, определимо лишь в каждом конкретном случае [34]. Сущность поэтического произведения заключена в специфическом мировидении, том особом угле зрения на действительность, который избрал автор [34].

Информация, транслируемая в пределах поэтического дискурса, подлежит членению на две категории: смысловая информация – содержащиеся в тексте сведения, позволяющие установить его соотнесенность с некоторыми сегментами реальности, с некоторой внеязыковой ситуацией, то есть как система денотатов. Смысловую

информацию материализует в тексте система вербальных сигналов, ориентированных на то, чтобы вызвать в сознании реципиента соотнесенность этого текста с внеязыковой ситуацией. Эстетической информацией можно назвать весь сложный информационный комплекс, передаваемый в процессе поэтической коммуникации помимо смысловой информации [26, с. 123].

Смысловая информация в поэтическом тексте носит двухуровневый характер:

1. Фактуальная смысловая информация сообщает о фактах, событиях, процессах, происходящих в окружающем мире. Эта информация объективирована в тексте вербальными сигналами. Она сохранна при перефразировании поэтического текста.

2. Концептуальная информация сообщает авторское понимание отношений между фактами, авторскую концепцию мира [33, с. 146].

Поэтическому дискурсу свойственно являть собою последовательность символов кода, не выводимого непосредственно из символики “практического” языка. Эти метаморфозы возможны в силу организации речи по моделям особых стихотворных структур: метрико-ритмических, фонических, металогических (обеспечивающих полисемантическую поэтического слова) [23, с. 79]. Интонация стихотворного текста наделена оттенком музыкальности, связана со смыслом и выразительной силой лексемы. Поэтическая музыка своей опорой находит ритмический строй, а ритм зависит не от синтаксиса, но, напротив, сам воздействует на синтаксический строй, употребляя для этого метр [11, с. 44].

1. 3. Концепт как базовое понятие когнитивной лингвистики и средства его вербализации

Формирование концептов связано с формированием представлений о мире и его познанием. Принято различать понятия лингвокультурного и

лингвистического концепта. Лингвокультурные концепты относят к единицам менталитета – категории, описывающей этнический характер. Им свойственна акцентуация ценностного элемента [16]. Собственно лингвистические концепты отражают содержание понятия, смысл знака, но при этом отличны как от самого знака, так и от его денотата (предметного значения, объема понятия). Однако по мнению многих исследователей (В. И. Карасик, С. Г. Воркачѳ, С. Х. Ляпин, Г. Г. Слышкин), непроходимых границ между лингвокогнитивным и лингвокультурным пониманием концепта не существует. Эти подходы различны лишь векторами по отношению к индивиду: лингвокогнитивный концепт – это направление от индивидуального сознания к культуре, а лингвокультурный концепт – направление от культуры к индивидуальному сознанию» [16, с. 97].

Одним из первых учёных, в своих исследованиях коснувшихся феномена концепта был Дж. Лакофф. Он полагал, что человек организует свои знания с помощью идеализированных когнитивных моделей, а категории являются побочным продуктом этой организации, а концепты, в свою очередь, и выступают идеализированными когнитивными моделями [58]. Среди отечественных ученых можно А. Вежбицкую, и данное ею определение: «Это объект из мира «Идеальное», имеющий имя и отражающий определенные культурно обусловленные представления о мире «Действительность» [41]. Наличие в языке структур, служащих для хранения и передачи информации, отмечал еще в 1928 году С. А. Аскольдов, эти структуры как «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [37, с. 269]. Активное исследование ментальных образований в оптике концептосферы в России отмечено в 90-е гг. XX в. после выхода в свет статьи Д. С. Лихачева «Концептосфера русского языка» [22, с. 3-9].

Таким образом, конец двадцатого века для лингвистов стал утверждением того, что быть носителем языка – значит, быть носителем определенных концептуальных систем. Стоит отметить, что в настоящее

время лингвисты не пришли к единому фиксированному способу определять концепт. Однако возможно обозначить наиболее известные подходы к объяснению того, что он собою представляет. Данные подходы апеллируют к общему положению: концепт суть содержание понятия, синоним смысла. Рассмотрим подробнее эти подходы.

Первый из них – культурологический. В фокусе одного из его представителей, Ю. С. Степанова, – культурологический аспект природы содержания рассматриваемого нами понятия. Он трактовал термин «концепт» двояко: и как концентрат культуры, нечто, посредством чего она проникает в ментальный мир человека, и в то же время как путь его вхождения в культуру, а порою – воздействия на нее [24]. По мнению исследователя, вся культура есть совокупность концептов и отношений между ними. Тогда концепт – базовый слот культуры в ментальном мире человека. Ему отводится ядерное положение в коллективном языковом сознании.

В рамках лингвокультурологии В. Н. Телия определяет концепт как знание, структурированное во фрейм. Тогда он отражает не только значимый признак рассматриваемого объекта, но и совокупность всех признаков, содержащих знание о сущности [40]. Сторонник лингвокультурологического подхода, советский и российский лингвист Н. Ф. Алефиренко описывает структуру концепта, подразумевающую такие компоненты как:

- 1) интернациональный, представляющий общечеловеческие ценности и представления;
- 2) идиоэтнический;
- 3) социальный, репрезентирующий социальный статус коммуникантов;
- 4) групповой – гендерный, возрастной, профессиональный;
- 5) индивидуально-личностный, отражающий образовательный ценз человека, его религиозные воззрения, личный опыт, речевой стиль и т. п. [1].

Следующий подход связан с именами Н. Д. Артюновой, Т. В. Булыгиной, А. Д. Шмелева. Они вовлекают в поле исследования когнитивной лингвистики семантику языкового знака, по их мнению, являющуюся единственным средством формирования содержания понятия. Подробное описание концептов с опорой на языковую семантику представлено в работе А. П. Бабушкина, предлагающего для них такую дефиницию как «любые дискретные содержательные единицы коллективного сознания, отражающие предметы реального и идеального миров, присутствующие в памяти носителей языка».

Что касается психолингвистов, то они, первоочередно, заинтересованы в компоненте индивидуального начала, рассматривая данный феномен. Так, А. А. Залевская определяет концепт как «спонтанно функционирующее в познавательной и коммуникативной деятельности индивида базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера, подчиняющееся закономерностям психической жизни человека и вследствие по ряду параметров отличающееся от понятий и значений как продуктов научного описания с позиций лингвистической теории» [38]. Исследовательница чётко разграничивает концепт как достояние индивида и конструкт как редуцированный на логико-рациональной основе продукт научного описания концептов. В русле данного подхода работает и Р. М. Фрумкина. Для неё «термин «концепт» удобен тем, что, акцентируя те реалии, к которым нас отсылает слово, он позволяет отвлечься от принятого в логике термина «понятие». Отвлечение от логического начала позволяет исследовательнице во время анализа языкового материала учитывать эмоции респондентов, личные ценности и ассоциации, связанные с определённым концептом [41].

Видение Д. С. Лихачёва и Е. С. Кубряковой в некотором роде откликается психолингвистической интерпретации, ведь они также полагают, что концепт не материализуется непосредственно как значение слова, но выступает результатом столкновения этого значения с личным и

народным опытом индивида, являясь посредником между словами и действительностью. Д. С. Лихачёв осмыслял данный феномен как «намёк на возможные значения», «алгебраическое их выражение». Учёный подчеркивал важность «индивидуального культурного опыта, запаса знаний и навыков», от богатства которых напрямую зависит богатство концепта. Согласно Е. С. Кубряковой, если язык отражает особое видение мира, то и отражение в нем позиции наблюдателя (или сознательное абстрагирование от нее) соответствует общей субъективности запечатленных и зафиксированных в языке концептов. Вместе с тем, синонимия – явление кажущееся, ибо за каждой альтернативной лексемой стоит индивидуальная концептуальная структура. По мнению исследовательницы, определение значения через концептуальные структуры – новый подход к связыванию значения и знания. При анализе концепта она находит оправданным использование понятий фона и фигуры, применяемых в психологии при описании сенсорно-перцептивных процессов, предлагает трактовать его как цельную оперативную единицу нашего сознания, коей человек оперирует, подобно гештальту, как в процессе мышления, так и в процессе речевой деятельности. Концепт – это квант знания, оперативная содержательная единица мышления, памяти ментального лексикона, концептуальной системы мозга (*lingva mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике [19]. Это определение является ключевым в данной работе и взято нами за основу.

И. А. Стернин и Г. В. Быкова утверждают, что в настоящее время в лингвистике закрепляется термин “концепт” для обозначения мыслительного образа, называемого той или иной лексической единицей. Представляется, что в настоящее время можно говорить о трех принципиальных разновидностях мыслительных образов (концептов), обнаруживающихся в лексических единицах разных типов.

1. Представления – обобщенные чувственно-наглядные образы предметов или явлений.

Концепты-представления выступают в качестве смысловой стороны преимущественно лексических единиц конкретной семантики. О том, что смысловая сторона таких слов – представление, свидетельствуют многие словарные дефиниции таких слов, которые практически целиком состоят из перечисления чувственно воспринимаемых признаков предмета номинации: дрожь – частое судорожное вздрагивание тела, клен – лиственное дерево с широкими резными листьями, ласточка – перелетная птица с узкими, острыми крыльями, яркая и быстрая в полете.

2. Гештальты – комплексные, целостные функциональные структуры, упорядочивающие многообразие отдельных явлений в сознании. Гештальты образуют семантическое содержание так называемой абстрактной лексики [36]. Гештальт как вид концепта (термин Х. Эренфельса, австрийского искусствоведа конца XIX века) представляет собой закреплённый словом целостный образ, совмещающий чувственные и рациональные элементы, а также объединяющий динамические и статические аспекты отображаемого объекта или явления.

К гештальтам следует отнести и концепты, толкуемые через “прототипы” (термин Ч. Филлмора), к примеру, родовые термины или собирательные единицы типа птица, животное, цветок, одежда, обувь, посуда, мебель и т.д. В результатах ассоциативных экспериментов подобные слова, предложенные в качестве стимулов, часто дают ассоциативные реакции по типу “типичный представитель”, например: цветок – роза, ромашка; обувь – ботинки, туфли; одежда – платье, костюм, пальто; животное – корова, бык; птица – голубь, воробей; металл – железо и т.д.

Типичными гештальтами являются концепты таких лексем как очередь, игра, деньги, пытка, любовь, судьба, искренность и прочие. Мы обращаем особое внимание на этот аспект, так как «судьба» является одним из концептов, лингвистические средства вербализации которого исследуются в данной работе.

Так называемые фреймы (статические мыслительные картинки – супермаркет, класс) и сценарии (динамические мыслительные картинки – экзамен, футбол, пикник, экскурсия, свадьба) также представляют собой разновидности гештальтов.

3. Понятие – мысль о наиболее общих, существенных признаках предмета или явления, результат рационального отражения основных, существенных признаков предмета. Например: звезда – самосветящееся раскаленное мировое тело; квадрат – прямоугольник с равными сторонами; курица – самка петуха; баобаб – широколистственное растение из семейства зонтичных. Понятийный характер носят концепты, связываемые с такими лексемами как житель, клиент, проситель, истец, ответчик, судья.

Понятие – есть результат целенаправленного осмысления предмета или явления, преследующего цель отграничить предмет от сходных либо исчислить существенные признаки предмета для его изготовления. В силу сказанного следует признать, что понятия формируются преимущественно в научной и производственной сферах (терминология). Многие понятия формируются лингвистами, оказывающимися перед необходимостью дать слову дефиницию в толковом словаре в опоре на небольшое количество дифференциальных признаков или выполнить компонентный анализ значения слов, чтобы разграничить сходные слова по смыслу. Как отмечал Ю.С. Степанов, “логические понятия выработаны не для каждого явления, называемого отдельным словом, так как не все объекты и явления являются предметом общественного познания” [38].

Наличие слова облегчает формирование понятия в индивидуальном сознании, но понятие как вид концепта далеко не всем пользователям тем или иным словом в реальности необходимо. Понятие может быть вообще неизвестно носителю языка, он им вообще может не оперировать в общении, обходясь менее абстрактными концептами.

Представления, гештальты и понятия тесно переплетаются как в мыслительной деятельности человека, так и в его коммуникативной

практике. Одно и то же слово может в разных коммуникативных условиях реализовать либо гештальт, либо понятие, либо представление, поскольку все эти концепты представляют собой разные уровни мыслительной абстракции, а коммуникативные потребности могут потребовать разной степени конкретизации мысли.

Помимо концептов, выделяемых посредством анализа лексем, есть концепты, не подлежащие выражению какими-либо отдельными лексическими единицами и обнаруживаемые только как результат логико-семантического анализа классов и парадигм лексических единиц. К таким концептам относятся понятийные категории, определяемые как “смысловые компоненты общего характера, свойственные не отдельным словам и системам их форм, а обширным классам слов, выражаемые в естественном языке разнообразными средствами” [47]. К таким концептам относятся в первую очередь классифицирующие – используемые для классификации различных предметов и явлений действительности. Кроме того, концепт может иметь словесное выражение, но может и не иметь его. Таким образом мы сталкиваемся с проблемой вербализации концептов. Согласно В. И. Карасику, любой из них является многоуровневым образованием, состоящим из трех компонентов: понятийного, предметно-образного и ценностного [16]. Если концепт был выражен с помощью языка, то мы говорим о понятийном компоненте, а лингвистические средства, для этого примененные, рассматриваем как средства вербализации, объективации в языке, языковой репрезентации концепта.

Особую актуальность в этом ключе обретает анализ концептуальной структуры текста, так как речевые произведения, в особенности художественные, репрезентуют концептуальную картину мира в её базовых элементах, в сложной целостности образов и форм национального языкового мышления. Данное направление делает акцент на достижения вышеописанных направлений науки о языке, а специфика материала

обуславливает комплексный подход к концепту в рамках исследований подобного рода.

Под художественным концептом понимается функционирующая в художественном тексте смылосодержащая единица сознания, получившая выражение в знаке и обладающая устойчивой сетью ассоциаций, значимых для носителей данной культуры. В художественной литературе концепты возникают как результат взаимодействия внутренней формы слова-произведения со словесными и общекультурными стереотипами.

В литературоведении наиболее подробно рассмотрен концепт в книге В. Г. Зусмана «Диалог и концепт в литературе». Согласно приведенной в данном труде дефиниции, «литературный концепт – такой образ, символ или мотив, который имеет «выход» на геополитические моменты, лежащие вне художественного произведения, открывающий одновременную возможность множества истолкований с разных точек зрения и выявляющий значимое расхождение между значением и смыслом выражающих его словесно-художественных элементов» [39].

В некотором роде отличным выступает понимание художественных концептов Л. В. Миллер. В её оптике оные описаны как «специфические когнитивные структуры («идеальные смысловые конгломераты»), представленные в той или иной форме в индивидуальном сознании и коллективном бессознательном». Выявление же в пространстве текста «смысловых трансформаций и их последующий анализ предопределяет возможность осуществить реконструкцию концепта, обнажив тем самым его сущность, в которой объединяются сознание, язык и национальная эстетическая традиция», т. е. «концепт может рассматриваться как принадлежащее сознанию «идеальное» означаемое», имеющее языковое и внеязыковое измерение». Универсальный художественный опыт, запечатленный в культурной памяти и обладающий способностью служить строительным материалом фундамента новых художественных смыслов [27].

Любой художественный концепт подлежит репрезентации в литературном тексте посредством определенных инструментов, представляющих собой лингвистические средства его вербализации. Данные средства обнаруживают себя на всех ярусах языка: фонетическом, морфологическом, лексическом, фразеологическом, синтаксическом, а также на уровне текста. Таким образом, концепт может быть репрезентован в поэтическом дискурсе через фонемы, морфемы, лексемы, свободные и фразеологические сочетания, предложения, тексты и их совокупности. Все вышеприведенные разноуровневые средства языка интегрируются между собой и составляют номинативное поле концепта.

Относительно лексического уровня, первоочередно мы сталкиваемся с прямыми номинантами концепта, его эксплицитным выражением – ключевыми словами, избираемыми исследователем в качестве имени концепта и имени номинативного поля, а также его системные синонимы и дериваты. Далее необходимо учесть, что концепт может быть выражен лексемами, номинирующими его отдельные признаки, качества или свойства. Данные средства вызывают у реципиента некоторые ассоциации, косвенно связывая его мыслительную деятельность и репрезентуемый концепт. К представленным типам репрезентатов могут быть отнесены и лексемы, сгруппированные по семантике (например, политическая, банковская, медицинская лексика), и тематически приближенные к вербализуемому концепту. Говоря о лингвистических средствах вербализации концептов в поэтическом дискурсе, следует обратить особое внимание на лексемы оценочного качества и различные виды лексических троп, а именно: эпитеты, сравнения, концептуальные метафоры, литоты, олицетворения, метонимии, перифразы, гиперболы. Используя их, автор преследует цель наиболее яркого выражения своих мыслей, идей, актуализируемых концептов [4].

Морфология также связана с познавательными процессами и выступает средством передачи их результатов. По Е. С. Кубряковой,

«функции морфологии обнаруживаются не только на уровне морфем, но и на уровне целостных морфологических структур, репрезентующих разные классы слов. Именно в этом проявляется связь морфологии с фиксацией, классификацией и категоризацией определенных структур знаний о мире». Следуя данной мысли, можно утверждать, что лингвистические средства морфологического уровня значимы для репрезентации концепта в виду своих морфологических характеристик, а именно: категорий (частей речи) и форм (например, времени и числа). Вариантом морфологической репрезентации концепта является частотное использование лексем одной части речи или неожиданная постановка глагола в форму прошедшего времени. Подобные морфологические трансформации расставляют акценты, создают новые «смыслы», узнаваемые реципиентом в процессе восприятия того или иного концепта [6].

Структурная схема высказывания также служит вербализатором концепта, обладающего многокомпонентной сложной ментальной организацией [10]. К лингвистическим средствам вербализации концепта на уровне синтаксиса первоочередно стоит отметить свободные словосочетания и фразеологические единицы, номинирующие те или иные признаки, характерные для концепта. Анализ моделей регулярных сочетаний позволяет судить о синтагматических валентностях концепта. Вместе с тем, фразеологические единицы, подлежащие исследованию, дают возможность отследить культурную специфику выражения того или иного концепта в определенном языке. Также к синтаксическим репрезентантам концепта относятся активные и пассивные залоговые конструкции, вопросно-ответные единства, различные типы предложений (односоставные, двусоставные, эллиптические и неполные) и иные синтаксические конструкции, в совокупности выступающие своего рода «выразителями» определенных смыслов или признаков, входящих в состав анализируемого концепта. Различные синтаксические фигуры (анафора, эпифора, эллипс, антитеза, параллелизм, градация, инверсия, парцелляция,

хиазм и другие) также наделены выразительной силой как репрезентанты концепта в художественном произведении. Они не просто добавляют новые компоненты смысла, но и являются наиболее яркими маркерами определенных смысловых отношений, используемых автором для объективации концепта.

Достаточно важную роль в вербализации художественного концепта играют концептуальные метафоры, связующие уровни языка и сознания. Данный тип метафор, выявленный зарубежным лингвистом М. Блэком, – нечто большее, нежели фигура речи. Это выразитель мысли, развивающийся через ментальные операции сравнения и соотнесения [41]. При использовании метафоры у индивидуума в сознании фигурирует как минимум две мысли о двух различных вещах, и при взаимодействии этих мыслей внутри одного слова или выражения рождается метафорическое значение. Механизм концептуальной метафоры представляет собой приложение к субъекту системы «ассоциируемых импликаций», установленных автором, что является столь значимым с точки зрения репрезентации концептов как глубинных смыслов художественных произведений [3].

Текстовая репрезентация концепта возможна вследствие наличия особенностей функционирования понятийного ядра в различных контекстах. Изучение текстовых маркеров позволяет установить смысловые связи между репрезентированным концептом, речевой ситуацией, а также экстралингвистическими факторами. В определенных контекстах концептуальные составляющие способны развивать и усиливать выражаемые свойства, приобретать новые, отличительные оттенки, или наоборот, терять какие-либо признаки. Именно поэтому при исследовании лингвистических средств вербализации концептов в поэтическом дискурсе следует учитывать композиционное построение текста, его тип, структуру и идейно-семантическое содержание [7].

Кроме вышеописанных признаков вербализации концепта в произведении художественной литературы, учеными описаны аспекты способа объективации концепта, иллюстрирующие, каким именно образом лингвистические средства воплощают конкретный концепт – явно или скрыто, иными словами, эксплицитно или имплицитно [28]. Эксплицитное выражение концепта связано с лексическими единицами, которые «прямо» и «наглядно» номинируют представленный ими концепт. В отличие от эксплицитного, имплицитное выражение концепта подразумевает его актуализацию «на более глубинном уровне» – с помощью косвенных номинантов концепта. Данный способ делает выражаемый концепт неочевидным при беглом ознакомлении с текстом и относительно сложным для восприятия читателем [17].

Кроме того, отмечено, что концепты фигурируют в языке в качестве полевых структур, называемых концептуальными полями. Концептуальные поля включают в себя сегменты. Как отмечает М. В. Пименова, «при описании концептуальных структур было сделано одно важное наблюдение – структура концепта формируется признаками, а сами эти признаки, в свою очередь, тоже являются самостоятельными концептами» [31, с. 55].

Суммируя вышесказанное, можно сделать вывод, что лексема не выражает концепта исчерпывающим образом, но лишь сообщает некоторые релевантные ситуации концептуальные признаки. Лексема представляет собою один из возможных путей в пространство концептуального знания, и, следуя этому пути, человек может включить в процесс своего мышления иные концептуальные признаки, данной лексемой эксплицитно не названные (заключенные в значении как периферийные, скрытые, вероятностные, ассоциативные семы). Тогда лексема, как и любой другой инструмент номинации представляет собою ключ, «открывающий» для человека концепт как единицу ментального поля и делающий возможным воспользоваться им в мыслительной деятельности.

Таким образом, лингвистические средства применяются не для того, чтобы обусловить существование концепта, но для того, чтобы сообщить о нем. Лексемы и другие языковые единицы системы языка представляют собою концепты, наделенные коммуникативной релевантностью, необходимые для общения, применяемые в информационном обмене. Многие концепты не представлены системными лингвистическими средствами вербализации, обслуживая сферу индивидуального мышления и будучи не предназначенными для обсуждения [33].

Выводы по главе 1

Когнитивное направление лингвистики является одним из наиболее перспективных и активно развивающихся. Причина актуальности данного направления заключается в том, что оно ориентировано на исследование «далеких от поверхности» форм мышления и познания мира через язык, в то время как информационная эпоха ставит перед человеком вопрос о сущности языка, например, в виде частотно воспроизводимых абстрактных понятий, природа порождения которых не является достаточно изученной, а значение – часто переосмысливается.

В данной главе нами были изучены ключевые понятия когнитивной лингвистики: дискурс и концепт. Рассмотрев различные подходы к описанию этих феноменов, мы избрали определение Е. С. Кубряковой для объяснения того, чем является концепт, как наиболее полное и созвучное логике нашего исследования. Согласно лингвисту, концептом следует считать квант знания, оперативную содержательную единицу мышления, памяти ментального лексикона, концептуальной системы мозга и картины мира, отраженной в человеческой психике. Отмечено, что концепт может получить описание как полевая структура, включающая в себя ядро, предъядерную зону и периферию, где, ядро – прототипический, наиболее яркий и конкретный образ, а периферия - более абстрактные признаки.

Подобное описание, как правило, является результатом концептуального анализа, анализа, выделяющего концептуальные характеристики через значения языковых единиц, вербализующих данный концепт в словарных толкованиях и речевых контекстах. Вместе с тем концепт может быть описан как многоуровневая структура, в пределах которой концепт может быть интернациональным, идиоэтническим, социальным, групповым или индивидуально-личностным.

При исследовании существующих определений дискурса была обнаружена его связь с понятием текста, который одни исследователи рассматривают как единицу дискурса, а другие – как синоним дискурса. В рамках нашей работы мы опираемся на видение Е. С. Кубряковой и полагаем, что дискурс является формой использования языка в текущем времени, создаваемой в целях создания аутентичного мира или его образа посредством лингвистического языкового описания, т. е. что текст создается в дискурсе.

Так как предметом нашего исследования являются лингвистические средства вербализации концептов «судьба» и «вера» в поэтическом дискурсе, нами были рассмотрены его особенности, ключевая из которых – его воплощенность в текстах художественных произведений, отражающих концептуальную картину мира в базовых элементах, в комплексной целостности образов и форм общенародного языкового мышления.

Концепты, фигурирующие в текстах этого порядка, описываются как художественные и вербализуются на различных уровнях языка с помощью таких инструментов как: эпитеты, сравнения, концептуальные метафоры, литоты, олицетворения, метонимии, перифразы, гиперболы (лексический уровень); свободные словосочетания и фразеологизмы, активные и пассивные заложенные формы, вопросно-ответные конструкции, типы предложения, синтаксические фигуры: анафора, эпифора, эллипсис, антитеза, параллелизм, градация, инверсия, парцелляция (синтаксический уровень; динамика применения видовременных форм, категорий числа и

частей речи (морфологический уровень). На уровне текста при анализе учитывается его композиционное построение, тип, структура и идейно-семантическое содержание.

ГЛАВА 2. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТОВ «СУДЬБА» И «ВЕРА» НА ПРИМЕРЕ ПОЭЗИИ УОЛТА УИТМЕНА

2. 1. Анализ лексико-синтаксических средств вербализации концептов в поэтическом дискурсе

Произведение литературы содержит в себе отпечаток мировидения, поэтического восприятия реальности, языка, стиля автора. В произведении слово выступает художественным материалом и эстетически мотивированным элементом композиции [35]. Опираясь на знание об организации значения слова, обладающего полевой структурой (архисема в ядре, дифференциальные семы на ближней периферии, скрытые семы на дальней периферии) [33], представляется возможным предположить, что и концепт имеет многокомпонентную и многослойную организацию, доступную для выявления посредством анализа лингвистических средств ее вербализации. Концепт как единица структурированного знания организован определенным нежестким образом: он включает в себя концептуальные признаки, а концептуальные признаки (семы) образуют слои. Слои дистанцированы друг от друга сообразно возрастанию абстрактности каждого последующего уровня. Периферия включает в себя слабо структурированные предикации, отражающие интерпретацию отдельных сем и их сочетаний представленных в качестве утверждений, установок сознания, фигурирующих в данной культуре на основании менталитета различных людей [20, с. 27-30].

Концептуальный анализ начинается с анализа словарных дефиниций. Для этого нами были использованы словарь-тезаурус Merriam-Webster Dictionary и словарь общего назначения American Heritage Dictionary.

Итак, согласно словарю-тезаурусу Merriam-Webster:

FAITH

- 1) as in religion: belief and trust in and loyalty to God

наиболее релевантные для данного значения синонимы и близкие по значению лексемы: religion, devotion, profession, piety, adoration, worship

2) as in cult : a body of beliefs and practices regarding the supernatural and the worship of one or more deities

наиболее релевантные для данного значения синонимы и близкие по значению лексемы: religion, cult, persuasion, creed, theology, denomination, church

3) as in alligience: adherence to something to which one is bound by a pledge or duty

наиболее релевантные для данного значения синонимы и близкие по значению лексемы: allegiance, loyalty, commitment, dedication, devotion, fidelity

4) as in confidence: firm belief in the integrity, ability, effectiveness, or genuineness of someone or something

Наиболее релевантные для данного значения синонимы и близкие по значению лексемы: confidence, trust, certainty, credence, conviction, assurance, acceptanc, stock

5) as in belief: mental conviction of the truth of some statement or the reality of some being or phenomenon

наиболее релевантные для данного значения синонимы и близкие по значению лексемы: belief, credit, assurance, axiom, certainty, conviction [47]

Согласно American Heritage Dictionary:

1. a. Belief in God or in a set of religious doctrines.
 - b. A set of religious doctrines; a body of dogma: adhered to the Muslim faith.
 - c. often Faith Christianity Secure belief in God and a trusting acceptance of God's will viewed as a theological virtue.
2. Confident or unquestioning belief in the truth, value, or trustworthiness of a person, idea, or thing. See Synonyms at belief, trust.

3. Loyalty to a person or thing; allegiance: keeping faith with one's supporters; refused to break faith with his friends [48].

Согласно тезаурусу Merriam-Webster, DESTINY:

as in fate : a state or end that seemingly has been decided beforehand

наиболее релевантные для данного значения синонимы и близкие по значению лексемы: fate, fortune, luck, doom, circumstance, chance [47]

Согласно American Heritage Dictionary:

1. The inevitable or necessary fate to which a particular person or thing is destined; one's lot.

2. A predetermined course of events considered as something beyond human power or control: «Marriage and hanging go by destiny» (Robert Burton).

3. The power or agency thought to predetermine events: «Destiny brought them together» [48].

С опорой на данные словарные статьи был предпринят компонентный анализ словарных дефиниций «faith» и «destiny», с целью выявления центрального значения имен данных концептов и обнаружения их характера в национальной картине мира.

1) компонентный анализ группы слов, ассоциирующихся с концептом «faith»:

Religion – a personal set or institutionalized system of religious attitudes, beliefs, and practices or a cause, principle, or system of beliefs held to with ardor and faith.

Devotion – the act of dedicating something to a cause, enterprise, activity or an act of prayer or private worship.

Piety – the quality or state of being pious; an act inspired by piety; a conventional belief or standard.

Worship – to regard with great or extravagant respect, honor, devotion; to show reverence for as a divine being.

Cult – great devotion to a person, idea, object, movement, work; a religion regarded as unorthodox or spurious; a system for the cure of disease based on dogma.

Church – the clergy or officialdom of a religious body, the whole body of Christians or a building for public and especially Christian worship.

Belief – a state or habit of mind in which trust or confidence is placed in some person or thing; conviction of the truth of some statement or the reality of some being or phenomenon especially when based on examination of evidence.

Doctrine – a principle or position or the body of principles in a branch of knowledge or system of belief; a statement of fundamental government policy especially in international relations.

Theology – the study of religious faith, practice, and experience; a theological theory or system; a distinctive body of theological opinion [47, 48].

Из выписанных определений выделяем следующие отдельные семы: to regard with great devotion, a personal set of views, an institutionalized system, a set of beliefs and values, a building, an act of prayer, mental conviction of the truth, trust, no need for evidence.

Семный состав данной лексической группы представлен в Таблице 1.

Таблица 1 – Семный состав группы слов, вербализующих концепт «faith»

	to regard with great devotion	a personal set of views	an institutionalized system	a set of beliefs and values	a building	an act of prayer	mental conviction of the truth	trust	no need for evidence
religion	+	+	+	+	-	-	+	+	+
devotion	+	+	-	+	-	+	+	+	+
worship	+	+	-	+	-	+	+	+	-
cult	+	+	+	+	+	-	+	+	+
church	+	-	+	-	+	-	+	+	+

Продолжение таблицы 1

belief	+	+	+	+	-	-	+	+	-
doctrine	+	-	+	+	-	-	+	+	+
piety	+	+	-	+	-	+	+	+	+
theology	+	-	+	+	-	+	+	+	+

2) КОМПОНЕНТНЫЙ анализ группы слов, ассоциирующихся с концептом «destiny»:

Fate – the will or principle or determining cause by which things in general are believed to come to be as they are or events to happen as they do.

Fortune – a hypothetical force or personified power that unpredictably determines events and issues favorably or unfavorably; the state of prosperity attained through luck; a large sum of money.

Luck – a power bringing good fortune or adversity.

Doom – an unhappy destiny; judgment; a law or ordinance especially in Anglo-Saxon England.

Circumstance – a condition, fact, or event accompanying, conditioning, or determining another; an essential or inevitable concomitant.

Chance – something that happens unpredictably without discernible human intention or observable cause.

Kismet – a hypothetical force or personified power that determines the course of the future events; an inevitable and often bad outcome, condition, or end that a particular person or thing will experience.

Outcome – a condition or occurrence traceable to a cause.

Lot – an object used as a counter in determining a question by chance; something that comes to one upon whom a lot has fallen; a portion of land; an establishment for the storage or sale of motor vehicles; a considerable quantity or extent.

Sequence – continuity of progression, result; order of succession; a hymn in irregular meter between the gradual and Gospel in masses for special occasions (such as Easter) [47, 48].

Были выделены следующие семы: unpredictability, the force to determine, inevitability, a law, an event, result, prosperity, unhappiness, money, an object.

Семный состав данной группы слов представлен в Таблице 2.

Таблица 2 – Семный состав группы слов, вербализующих концепт «destiny»

	unpredictability	inevitability	the force to determine	a law	an event	prosperity	unhappiness	money	an object
fate	+	+	+	+	-	-	-	-	-
fortune	+	+	+	+	+	-	-	+	+
luck	+	+	+	+	+	+	-	+	-
doom	-	+	+	+	+	-	+	-	-
circumstance	+	+	+	-	+	+	+	+	-
chance	+	+	+	-	+	+	-	+	-
lot	+	+	+	+	+	+	-	+	+
accident	+	+	+	-	+	-	+	-	-
outcome	+	+	-	+	+	-	+	+	+
sequence	+	+	-	+	+	-	+	-	-

3) интерпретация результатов

Анализ проделанной работы говорит о том, что на уровне национальной языковой картины мира, концепты «судьба» и «вера» обладают рядом устойчивых характеристик, наиболее частотно являющих себя в качестве смысловых компонентов в синонимичных рядах.

Относительно концепта «судьба» это будут черты неизбежности и непредсказуемости, силы предопределять ход событий, способности являть себя в виде определенных происшествий или же выступать абстракцией

жизненного пути человека, над коим он не властен. «Судьба» в сознании англоговорящего американца воспринимается как закон, подлежащий исполнению, нечто, что должно быть прожито, приведено в действие, в некотором роде долг мирозданию. Однако этот же закон может выступать как приговор, наделяя феномен судьбы тонами обреченности. С другой стороны, судьба может явить себя как счастливый шанс, удача, принося процветание; отметим так же, что этот доброжелательный лик судьбы в восприятии англоговорящего американца может ассоциироваться напрямую с материальным благом, достатком, денежными средствами и идеей собственности. Вместе с тем, отметим, что чем дальше словарная дефиниция от ядра концепта, тем больше она требует связи с предшествующими событиями, идеи логической последовательности и выводимости из фактов, возможности быть контролируемой человеческим разумом и поведением, что, безусловно, противоречит мысли о существовании судьбы, предопределенности, причина которой кажется непостижимой в виду своей божественной природы.

Концепт «вера» же характеризуется как внутренняя убежденность в непогрешимости каких-либо принципов, убеждений, положения вещей. Особенность заключается в качестве доверия некой доктрине, не требующего доказательств. Доктрина же может быть любого толка – первоочередно концепт «вера» в сознании англоговорящего американца постулирует убежденность в истинности утверждения некоторых ценностей или видения, вплоть до возведения этих ценностей в лице религиозного течения или человеческой личности в культ. Эта убежденность может пребывать как на уровне индивидуального миропонимания, так и на уровне общественной институции. Религиозный компонент, безусловно, имеет значение в интерпретации данного концепта, однако, относится к его периферии: смысловые элементы, связанные с практикой религии, при анализе словарных дефиниций выступали преимущественно как вероятностные признаки. Стоит также отметить, что чем дальше от ядра

концепта обнаруживает себя дефиниция, тем меньше как таковой безусловной веры в её смысловой структуре, и начинает быть ощутимой потребность в доказательствах истинности утверждаемого в рамках учения. Так, «theology», т. е. богословие, являясь синонимом «faith» в значении «cult», от и до посвящает себя обоснованию и защите вероучения о Боге.

4) воссоздание полевых структур концептов «судьба» и «вера» в национальной картине мира англоговорящего американца.

Основываясь на сделанных выводах, мы построили полевые структуры общенародных концептов «судьба» и «вера» в сознании англоговорящего американца, где ядро – лексема, наделенная прототипическим образом, периферия – более абстрактные, содержащие в себе компоненты иных концептов лексические единицы, а предъядерная зона – лексемы промежуточного порядка, приближенные к наиболее общему понятию, но содержащие оттенки иных значений (рис. 1).

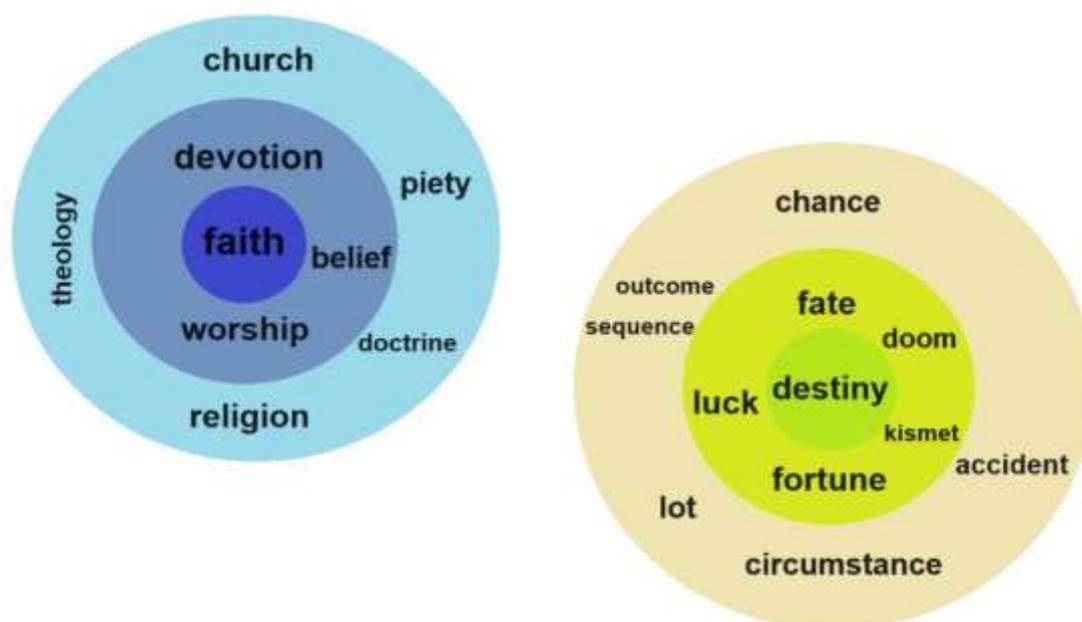

Рисунок 1 – Полевые структуры концептов «судьба» и «вера»

5) воссоздание полевой структуры аналогичных концептов в поэтической картине мира Уолта Уитмена.

Для этого методом сплошной выборки в сборнике его стихотворений «Leaves of Grass» нами был выделен ряд лексем, семантически сопряженных

с концептами «судьба» и «вера». Затем, согласно частотности появления в тексте, обнаруженные лексемы были распределены от ядра к периферии соответственно [46]. Было проанализировано 60 контекстов, представленных в Приложении 1, среди них обнаружено 16 употреблений лексемы «soul», 13 употреблений прилагательного «divine» в качестве эпитета, 10 упоминаний «God», 10 употреблений лексем «destiny» и «faith» как контекстуальных синонимов, «road» как метафора судьбы фигурирует 10 раз. Обнаружено по 6 употреблений существительного «faith» и глагола «to believe», по 4 упоминания «law» и «religion». С меньшей частотностью повторяется глагол «to pray» (3). В контекстуальном окружении лексем, вербализующих образы судьбы трижды встречается «America». Другие ЛЕ расположенные на периферии встречаются 1-2 раза.

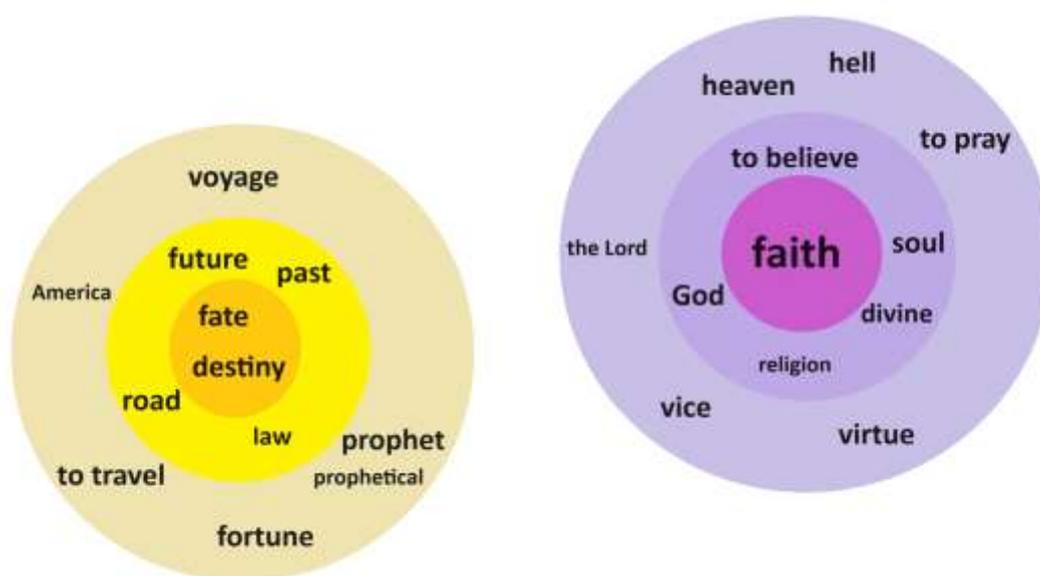

Рисунок 2 – Полевые структуры концептов «судьба» и «вера» в поэтическом дискурсе на примере поэзии Уолта Уитмена

Воссоздание полевых структур концептов «судьба» и «вера» в поэтическом дискурсе на примере поэзии Уолта Уитмена позволяет увидеть, сколь различным может быть концепт на уровне общенациональном и индивидуально-личностном. Мы сталкиваемся с появлением новых оттенков

в понимании рассмотренных нами в данной работе концептов Уолтом Уитменом. Для него вера не является отвлеченным понятием, постулирующим убежденность в истинности чего-либо, но гораздо более стойко ассоциируется с христианским мировидением, которое поэт, однако, не разделяет в привычном понимании этого слова. Для него заданные религиозной доктриной категории света и тьмы служат лишь для обозначения собственного несогласия с дихотомическим мышлением. Его отношение иллюстрирует лишенный благоговения к категориям добродетели и порока риторический вопрос, начинающий строфу: «What blurt is this about virtue and about vice? Evil propels me and reform of the evil propels me, I stand indifferent...». Во втором предложении мы обнаруживаем синтаксический параллелизм, используемый автором, чтобы продемонстрировать его восприятие добра и зла как равнозначных, относительных категорий. Интересен и лексический троп «reform of the evil», метафора добра как «преобразованного зла», что подчеркивает угадывание автором единого источника данных инстанций; он противопоставляет их в рамках риторического вопроса с помощью антитезы, чтобы обратиться к этому источнику. В качестве подобной антитезы можно привести и его обращение к антиномии «heaven and hell», к аду и раю как к вероятным вариантам разрешения будущности автор выражает одинаковое равнодушие, избирая здесь и сейчас: «And will never be any more perfection than there is now, / Nor any more heaven or hell than there is now.».

Риторические вопросы как синтаксическая фигура – частое явление в поэтическом дискурсе Уитмена, таким образом он выражает обращенность к читателю, как если бы акт чтения был живым, естественным диалогом между двумя людьми. Свободный стих, в котором написаны все произведения сборника «Листья травы», лишенный метра и напоминающий человеческую речь, также помогает достичь этой цели.

В поэме «Песнь о себе» в одном из стихов автор рассуждает о том, что действительно достойно поклонения, детально описывая свою телесность, каждую строку описания завершая эпифорой «it shall be you», что говорит о

его уверенности в грядущем восхождении человека и создает ритм, близкий проповеди американского пастора.

Но слово его веры - "En Masse", "a word of faith that never balks". Посредством олицетворения Уолт Уитмен показывает, что для него является естественным подозревать религиозную веру в способности обманывать ("The Word of Faith" – течение харизматического христианства, обещающее исцеление всякому, кто верит в воскресение Христа). "En Masse", в свою очередь, переводящееся с французского языка как "в массе, весь, целиком" является метафорой, отражающей восприятие поэтом-трансценденталистом мироздания и потока всех возможных событий в его пределах как чего-то гомогенного, органически спаянного и подобного единообразному импульсу, совершенному и оправданному в своей хаотичности. Интерпретируя данную метафору важно учитывать, что поэтический дискурс Уолта Уитмена – это поэзия трансцендентализма, что постулирует единство человека и космоса, т. е. "En Masse" – это микрокосм в макрокосме, геометрической прогрессией проходящий через человеческий разум и разум божественный.

Строфа "Victory, union, faith, identity, time, / The indissoluble compacts, riches, mystery, / Eternal progress, the kosmos, and the modern reports." Раскрывает его видение в эпитетах "indissoluble" и "eternal". Эта спаянность времени и пространства отнюдь не безбожна: Уолт Уитмен часто обращается к Богу, более того, он не ставит под сомнение возможность ниспосланной человеку миссии, достаточно конкретно называя её: "I speak the pass-word primeval, I give the sign of democracy, / By God!". Поэт видит предназначение (судьбу) человека в распространении демократических ценностей, что перекликается с Manifest Destiny – концепцией, популярной в Америке XIX века (время, когда жил Уитмен), согласно которой американская нация наделена предопределенной судьбою распространять права человека и идею его свободы. Данная концепция предстала под названием "American Progress" на известной в то время картине Джона Гаста, где продвигающаяся сквозь время и пространство девушка олицетворяет судьбу Америки. С учетом данного

экстралингвистического контекста, который необходимо учитывать в анализе дискурса, мы обнаруживаем, что "eternal progress" – это метафора экспансии Америки. Здесь "faith" подразумевает веру в предназначение, предназначение, коим наделен каждый представитель американской нации в индивидуально-личностной картине мира поэта. Себя же он описывает эпитетом "prophet", ощущая призванность пробуждать чуткость восприятия данного образа в сердцах: "The prophet and the bard / Shall yet maintain themselves, in higher stages yet, / Shall mediate to the Modern, to Democracy, interpret yet to them, God and eidólons."

Поэт действительно обеспокоен судьбой своей страны, он обращается к ней, олицетворяя, заводит с ней беседу о будущем и настоящем ("And you, America..."). Концепт судьба же часто вербализуется в терминах временного континуума: future, past, present. Олицетворение – одно из наиболее часто встречаемых в поэтическом дискурсе Уолта Уитмена лингвистических средств, что говорит о тенденции оживлять окружающее пространство, пронзая его божественным смыслом и красотой, верою в них, и ощущением предначертанности и гармонии существующего порядка. В этом для него заключается закон творения.

В понимании концепта "судьба" Уолтом Уитменом отсутствует компонент оценочного суждения преодолеваемого пути как обреченности, дурного или благого удела, удачи. Но мотив пути как такового, дороги как синонима "судьбы" и мотив путешествия вообще встречаются достаточно часто, причем на этом пути он не спрашивает благосклонности у фортуны: "I ask not good-fortune, I myself am good-fortune". Здесь, с помощью синтаксической фигуры параллелизма поэт вновь утверждает свое равенство любому из феноменов, наполняющих мир, свойственное его демократическим воззрениям. "Roads for travelling souls" – метафора, посредством которой жизненный путь человека осмысливается поэтом как путешествие души сквозь пути, пронизывающие всю вселенную. Уитмен допускает возможность указателей, подсказок на этом пути: "To me the converging objects of the universe perpetually flow, / All are

written to me, and I must get what the writing means". Однако он не ставит себя выше других, не говорит о том, что эта равновеликость – его индивидуальная черта. В рамках его демократического мировидения, все равны и святы в этом равенстве. Чтобы это выразить поэт призывает на помощь сравнение: "For every atom belonging to me as good belongs to you". Восхищен он и животными, их естественность, свободой и тем, как они не ввергают его в тоску, "discussing their duty to God". Говоря же о любви, об узнавании родственных душ, он отмечает возможность этого с опорой на "divine signs", где эпитет "divine" вновь указывает не на отрицание поэтом Бога, но на переосмысление его роли в жизни человека и отношений с ним. Бог Уитмена – не назидатель, не наказующий и не дарящий подарков судьбы за надлежащее поведение, но высшая инстанция, ответственная за гармонию и созвучие всех осуществимых событий, скорее спутник, нежели проводник, но по причине того, что для Уитмена подлинный Бог – воплощенный человек, и, прежде всего, он сам: "And I know that the hand of God is the promise of my own, / And I know that the spirit of God is the brother of my own...". Он обнаруживает Бога внутри своей собственной души, и это причина, по которой в полевой структуре концепта "вера" лексема "soul" находится в предъядерной зоне. Данные оттенки не были выделены нами при анализе словарных дефиниций на уровне общенациональной картины мира. Здесь же на уровне синтаксиса мы можем наблюдать параллелизм и анафору, согласно анализу контекстов в целом являющуюся одной из наиболее предпочитаемых стилистических фигур автора. Рассматривая фонетический уровень вербализации концептов в поэтическом дискурсе Уолта Уитмена, нельзя не обратить внимание на отсутствие рифмы, характерной для стихотворения в клишированном значении этого слова, ведь поэтический дискурс Уолта Уитмена воплощается в форме верлибра – свободного от формы и метра поэтического произведения. Но пребывая на том же фонетическом уровне восприятия и анализа воспринимаемого нельзя не отметить наличия ритма. Именно благодаря анафоре и параллелизму Уитмен добивается этого эффекта.

Привычная религиозная символика, фигура Христа для Уитмена – рационально воспринимаемые культурные символы, но не идеи. Себя самого он описывает эпитетом "divine", но священный текст употребляет во множестве чисел и с маленькой буквы, как если бы перечислял бытовые предметы, что выражает специфику его восприятия религиозных атрибутов на морфологическом уровне. Возвращаясь к лексическому уровню отметим метафору "tale", примененную для описания пути Христа. Вместе с тем, Бог не только внутри души поэта, но и за её пределами – он всюду, жизнь и природа – и есть Бог в представлении Уолта Уитмена, описывающего листья травы метафорой "the handkerchief of the Lord". Глагол "to believe" в поэтическом дискурсе Уитмена является частотным, но направлен не на эксплицитные проявления божественного, а на явления окружающего мира и внутренней жизни, для него подлинно пронизанные божеством. Произнося "I believe in you, my soul", он применяет такой лексический троп как олицетворение, что явно отражает его индивидуально-личностную картину мира, в центре которой – живой человек. Это подчеркнуто в строке "I believe in the flesh and the appetites, / Seeing, hearing, feeling, are miracles...", где однородный ряд деепричастий, описывающих функционирование органов чувств, на морфологическом уровне сообщает процессуальность и непреходящность состояния восприятия окружающего мира. Деепричастные формы частотно избираемы поэтом, приведем пример развернутой метафоры, иллюстрирующей его отношения к Богу как соратнику на жизненном пути: "Walking the old hills of Judaea with the beautiful gentle God by my side, / Speeding through spacem speeding through heaven and stars,...". «Рассекать пространство», в свою очередь, – метафора проживания судьбы.

Проанализировав контексты с точки зрения различных языковых ярусов подведем итог того, посредством каких именно лингвистических средств вербализуются концепты «судьба» и «вера» в поэтическом дискурсе Уолта Уитмена. Результаты представлены на гистограмме (анафора – 11, эпифора – 3, параллелизм – 11, олицетворение – 8, метафора – 10, эпитет – 13, сравнение

– 5, риторический вопрос – 15, риторическое восклицание – 1, антитеза – 8, парцелляция – 1) (рис. 3)

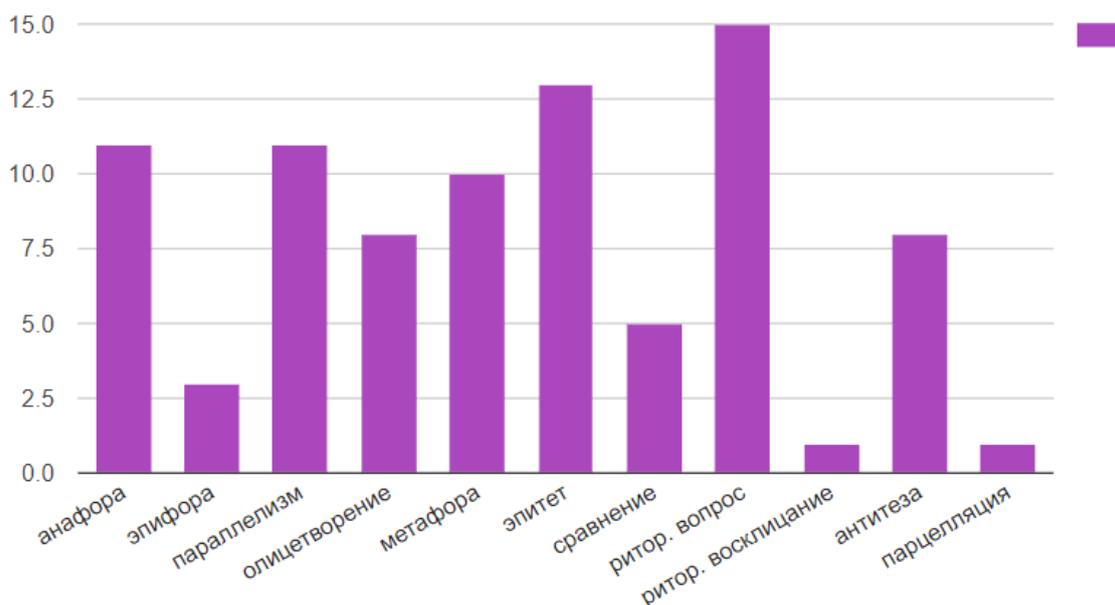

Рисунок 3 – Количественный анализ лингвистических средств вербализации концептов «судьба» и «вера» в поэтическом дискурсе Уолта Уитмена

Как видно из гистограммы, лингвистическими средствами вербализации концептов «судьба» и «вера» в поэтическом дискурсе Уолта Уитмена наиболее часто выступают параллелизмы, анафоры, антитезы и риторические вопросы на синтаксическом уровне, а также метафоры, эпитеты и олицетворения на уровне лексических тропов.

2. 2 Методический комплекс упражнений на лексику для применения на уроках английского языка

Проблематика вербализации концептов «судьба» и «вера» затрагивает различные сферы жизни общества. Примером ее проявления в образовании, является ситуация, в которой преподаватель, ориентированный на выполнение такой образовательной задачи как реализация идеологической основы Федерального Государственного Образовательного Стандарта –

концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России, обнаруживает недостаток развития методической базы, с опорой на которую успешное выполнение данной образовательной задачи представлялось бы высоко вероятным. Более того, молодой специалист может столкнуться с отсутствием своего собственного четкого понимания того, что собою представляют “идеология”, “концепция” и духовно-нравственные категории, того, каким наиболее верным образом они могут быть вербализованы и объяснены.

Особенно остро данное противоречие могут ощущать преподаватели гуманитарных дисциплин, таких как обществознание, литература, русский язык и иностранные языки, вовлекающие в дискурс различного типа массы лиц с еще формирующейся картиной мира, в том числе языковой. Говоря же об иностранном языке как учебной дисциплине в частности, стоит отметить, что сама методика его преподавания подразумевает знакомство обучающихся с аутентичными текстами как в форме прозы, так и в поэтической форме, традиционно выступающей носителем идей морально-этического порядка. С целью обогащения методической базы преподавателей английского языка нами был разработан комплекс упражнений на лексику, который можно использовать на уроках английского языка с 10 классами, работающими по УМК Михеевой И. В. и Афанасьевой О. В., во время работы в рамках модуля "Major Religions of the World". Выполнение первой части комплекса упражнений поможет дифференцировать близкие по значению, но содержащие различные оттенки значений лексемы, реализующие концепты "вера", обогатить словарный запас, развить абстрактное и критическое мышление. Коммуникативное упражнение №3 может выступить элементом послетекстовой работы, ориентированной на закрепление материала, предложенного УМК в рамках данной темы. Комплекс упражнений разделен на две части по количеству изученных в данном исследовании концептов соответственно, и вторая часть, посвященная концепту "судьба"

– опциональна, она может быть использована учителем в качестве дополнительного материала с целью более полного и глубоко раскрытия темы, так как исследуя лингвистические средства вербализации "судьбы" и "веры" в поэтическом дискурсе на примере поэзии Уолта Уитмена была выявлена их концептуальная сопряженность. Кроме того, разработанный комплекс может быть использован в рамках элективного курса «Англо-американская литература».

Part I. Exercise 1. Match the following terms related to faith with their definitions (табл. 3)

1. Belief
 2. Religion
 3. Trust
 4. Devotion
 5. Spirituality
- A. A strong feeling of support or confidence in someone or something.
 - B. A set of beliefs concerning the cause, nature, and purpose of the universe.
 - C. Strong belief in the existence of a higher power or powers.
 - D. Dedication to a particular religious practice or belief system.
 - E. The quality of being concerned with the human spirit or soul.

Таблица 3 – Упражнение на соотнесение термина и дефиниции

A	B	C	D	E

Exercise 2. True or False - Determine if the following statements about faith are true or false:

1. Faith is solely based on evidence and proof. (True/False)
2. Faith can provide comfort and guidance in times of uncertainty. (True/False)
3. Religious faith is the only form of faith that exists. (True/False)
4. Faith requires complete certainty and no room for doubt. (True/False)

5. Faith can be a source of strength and resilience for individuals facing challenges. (True/False)

Exercise 3. Discussion Questions:

1. What role does faith play in the major world religions?
2. Can people have faith in more than one religious tradition at the same time? Why or why not?
3. How does faith influence the daily lives and decision-making of adherents of different religions?

Exercise 4. Matching Exercise:

Match the major world religion with its central beliefs or practices related to faith.

Religions: Christianity, Islam, Hinduism, Buddhism, Judaism

Beliefs/Practices:

- a. Five Pillars of Faith
- b. Belief in one God and Jesus as the Son of God
- c. Reincarnation and karma
- d. Eightfold Path and Four Noble Truths
- e. Monotheism and the Torah as the sacred text (Таблица 4)

Таблица 4 – Упражнение на соотнесение

Christianity	Islam	Hinduism	Buddhism	Judaism

Part II. Exercise 5. Sentence Completion:

Complete the following sentences using appropriate words related to "faith" and "destiny":

- a. I have __ that everything will work out for the best.
- b. Some people believe in the concept of __, where everything is predetermined.
- c. Her unwavering __ in her abilities helped her overcome many challenges.
- d. Many people find comfort in the idea of __ guiding their lives.
- e. He felt that his __ was leading him in a particular direction.

Exercise 6) Match the following terms related to destiny with their definitions:

1. Fate
2. Purpose
3. Predestination
4. Karma
5. Serendipity

A. The belief that events are predetermined and cannot be changed.

B. The idea that actions in this life or a previous existence determine future experiences.

C. The hidden power believed to control future events.

D. The reason for which something is done or created or for which something exists.

E. The occurrence of events by chance in a happy or beneficial way (таблица 5).

Таблица 5 – Упражнение на соотнесение

A	B	C	D	E

Exercise 7) Word Association:

Write down words or phrases that come to mind when you think of "faith" and "destiny." For example, for "faith" you might write: religion, trust, belief, hope, spirituality, etc. For "destiny" you might write: fate, future, predetermined, chance, fortune, etc.

Exercise 8) Vocabulary Matching:

Match the words related to "faith" and "destiny" with their definitions.

Words: belief, fate, trust, predestination, conviction, providence

Definitions:

- a. A strong belief in something or someone.
- b. The predetermined course of events.

- c. Firmly held belief or opinion.
- d. The idea that events are determined in advance by a higher power.
- e. Reliance on the integrity, strength, ability, surety, etc., of a person or thing.
- f. The protective care of God or of nature as a spiritual power.

Выводы по главе 2

В данной главе нами была реализована практика осмысления концептов посредством компонентного и контекстуального анализов. Были воссозданы полевые структуры концептов «судьба» и «вера» на общенациональном уровне с опорой на словарные дефиниции и полевые структуры этих концептов на индивидуально-личностном уровне поэта Уолта Уитмена с опорой на контексты их вербализации. Были проанализированы лингвистические средства вербализации данных контекстов на различных уровнях языка и выделены наиболее частотные, среди которых параллелизм, анафора, антитеза, риторический вопрос, метафора, олицетворение и эпитет. Поэтический дискурс Уолта Уитмена – это поэзия верлибра о природе человека, божественной в своем естестве, идее национальной судьбы, демократии и вере в неё. Мы обнаружили, что в пределах поэтического дискурса возможна критическая переоценка общенационального видения определенных идей, представление видения, столь отличного от общепринятого, сколь трудно вообразить изъявляемым в дискурсах институционального типа. Особенность поэтического дискурса заключается в том, что он допускает эту возможность.

Кроме того, был предложен способ изучения идей судьбы и веры в такой сфере общественной жизни как образование. Этот способ заключается в разработанном комплекс упражнений, дополняющих школьный курс углубленного изучения английского языка с целью воплощения концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. Выполнение предложенных упражнений

поможет обратить внимание подрастающего поколения на фундаментальные основы человеческого бытия, вдохновить порождение собственного видения, развить критическое мышление и пополнить словарный запас английского языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Кризис постмодернистской эпохи, скоротечное развитие технологий, имитирующих работу человеческого сознания, обуславливают затруднения с осмыслением абстрактных категорий человеческого бытия. Наряду с технологиями, активно развивается и наука, в том числе наука о языке и, в особенности, такое ее направление как когнитивная лингвистика, направление, снимающее запрет на рассмотрение генезиса тех самых абстрактных категорий с точки зрения языка. В данной работе раскрыты ключевые понятия когнитивной лингвистики «дискурс» и «концепт», описаны и воссозданы модели полевых структур концептов «судьба» и «вера» на общенациональном и индивидуально-личностном уровнях, разработан комплекс упражнений для уроков английского языка в старших классах, направленный на то, чтобы дополнить школьный курс и обратить внимание на значимый аспект внутреннего мира и человеческой культуры. Воссоздание полевой структуры концептов «судьба» и «вера» на разных уровнях сознания носителя языка и их сопоставление раскрыло такую особенность поэтического дискурса как возможность выражение такой специфики мировидения, которая допускает новое осмысление общенациональных смыслов, возможность, которую тяжело вообразить реализованной в иных типах дискурса. Были выявлены и проанализированы лингвистические средства вербализации концептов «судьба» и «вера» в поэтическом дискурсе на различных уровнях языка. На примере поэзии Уолта Уитмена мы обнаружили, что регистрами вербализации выступают преимущественно синтаксический и лексический уровни, подразумевающие применение поэтом параллелизмов, антитез, анафор и эпифор, эпитетов, сравнений, метафор и олицетворений. Цель работы достигнута, задачи выполнены.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка : учебное пособие / Н. Ф. Алефиренко. ; Москва : Флинта : Наука, 2020. – 362 с. – ISBN: 978-5-9765-0813-2 (Флинта).
2. Алякринский, О. А. Поэтический текст и поэтический смысл : (О двух переводах одного стихотворения Дилана Томаса) / О. А. Алякринский // Тетради переводчика : науч.-теорет. сб. / под ред. Л. С. Бархударов. – Вып. 19. – Москва : Высшая школа, 1982. – 388 с. – ISBN 5-06-000440-6.
3. Арутюнова Н. Д. Теория метафоры / Арутюнова Н. Д. ; Москва : Прогресс, 1990. – 512 с. – ISBN 5-01-001599-4.
4. Афанасьева, О. В. Особенности лексической репрезентации художественного концепта (на примере концепта времени в произведении Р.М. дель Валье-Инклана «Весенняя соната») / О. В. Афанасьева // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция: Труды и материалы. – Казань:Изд-во Казан. ун-та, 2004. – С. 43-45.
5. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Бенвенист Э. – 3-е изд. – Москва: Прогресс, 1974 – 448 с.
6. Болдырев Н. Н., Институт языкознания (Российская академия наук) Концептуальные структуры и языковые значения / Н. Н Болдырев, Институт языкознания (Российская академия наук) // Филология и культура: Материалы II-й Международной конференции. – Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 1999. – С. 62-69.
7. Болотнова Н. С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня / Болотнова Н. С.; Томск: Изд-во Томского университета, 1992 – 309 с. – ISBN 9785751103606.

8. Виноградов В. В. О теории художественной речи : учеб. пособие / В.В. Виноградов. – Издание 2-е, исправленное. – Москва : Высшая школа, 2005. – 128 с. – ISBN 978-5-06-004547-1.
9. Волохина Г. А., Попова З. Д. Синтаксические концепты русского простого предложения / Волохина Г. А., Попова З. Д. ; Воронеж: ВГУ, 1993 – 196 с. ISBN: 5-87456-163-3
10. Гобозов И. А. Постмодернизм как зеркало кризиса современного общества / Гобозов И. А. // Политическое просвещение. – 2011. – № 1. – С. 105-120.
11. Григорян А. С. Художественный стиль и структура образа / Григорян А. С. – 1-е изд. – Ереван: АН Арм. ССР, 1974 – 307 с.
12. Залевская А. А. Психолингвистический подход к проблеме концепта / Залевская А. А. // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2001. – С. 36-45. ISBN 5-9273-0130-4.
13. Зусман В. Г. Диалог и концепт в литературе / Зусман В. Г. – 1-е изд. – Н. Новгород: Деком, 2001 – 167 с. – ISBN 5-89533-056-8.
14. Карасик В. И. О типах дискурса / Карасик В. И. // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. – Волгоград: Научное издательство ВГСПУ "Перемена", 2000. – С. 178-194. ISBN 5-88234-444-1.
15. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / Карасик В. И. – 3. – Волгоград: Научное издательство ВГСПУ "Перемена", 2002 — 477 с. ISBN 5-88234-552-2.
16. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке / Карасик В. И. // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград-Архангельск: Научное издательство ВГСПУ "Перемена", 1996. – С. 3-16. – ISBN 5–88234–552–2.
17. Клебанова Н. Г. Формирование и способы репрезентации индивидуально-авторских концептов в англоязычных прозаических текстах

: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Клебанова Надежда Геннадьевна ; науч. рук. И. Ю. Мостовская ; ТГУ имени Г. Р. Державина. — Тамбов, 2005. — 28 с.

18. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. — Москва, 1996. — 245с. — ISBN: 5-89042-018-6.

19. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка. Когнитивные исследования / Кубрякова Е. С. — 1-е изд. — Москва: Знак, 2012 — 205 с. — ISBN: 978-5-9551-0461-4.

20. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И. Б. Шатуновского. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 792 с. — ISBN: 978-5-9424-4040-4

21. Лингвистический энциклопедический словарь / ред. В. Н. Ярцева. — Москва : Сов. энциклопедия, 1990. — 683 с. — ISBN: 5-85270-031-2.

22. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка / Лихачев Д. С. // Известия РАН. Серия литературы и языка. — 1993. — № 1. — С. 3-9.

23. Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике / Ю.М. Лотман. — Москва, [б. и.], 1994. — 560 с. — ISBN 978-0-87-057106-0.

24. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Степанов Ю. С. ; Москва: Языки русской культуры, 1997 — 824 с. — ISBN: 5-88766-057-0

25. Макаров М. Л. Основы теории дискурса / М. Л.Макаров — М.: ИТДК "Гнозис", 2003 — 280 с. — ISBN: 5-94244-005-0.

26. Мантатов, В. В. Образ, знак, условность / В. В. Мантатов — М.: Высшая школа, 1980. — 160 с.

27. Миллер Л. В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория / Миллер Л. В. // Мир русского слова. — 2000. — № 4. — С. 41-42.

28. Олешков М.Ю. Лингвоконцептуальный анализ дискурса (теоретический аспект) // Дискурс, концепт, жанр: коллективная монография / Отв. ред. М.Ю. Олешков. – Нижний Тагил, НТГСПА, 2009. – С. 68-85. ISBN 978-5-9500874-0-0.
29. Панов Е. Н. Знаки, символы, языки / Е. Н. Панов. – Москва : Знание, 1983. – 248 с.
30. Пашкевич О. В. Концепт, понятие, значение: проблема дифференциации / О. В. Пашкевич ; БГУ. – Минск : БГУ, 2013. – URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/49407> (дата обращения: 23.02.24).
31. Пименова М. В Введение в концептуальные исследования : учеб. пособие / Пименова М. В., Кондратьева О. Н. – Кемерово : КемГУ, 2006. - 178 с. – ISBN 5-8353-0468-4.
32. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика : учебное издание / З. Д. Попова, И. А. – Москва : АСТ : Восток-Запад, 2007. – 314 с. : ил. ISBN 978-5-17-045103-6.
33. Попова З. Д. Язык и национальное сознание: вопросы теории и методологии / Попова З. Д., Стернин И. А. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2002. – 313 с. – ISBN 5-9273-0213-0
34. Потехня А. А. Слово и миф / Потехня А. А. ; Москва: Правда, 1989 – 622 с.
35. Прохоров Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс : учеб. пособие / Ю. Е. Прохоров. – 2-е изд., испр. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 225 с. – ISBN: 978-5-89349-653-6.
36. Психология : иллюстрированный словарь: Более 600 иллюстраций и 1700 статей / И. М. Кондаков. – Санкт-Петербург : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. – 508 с. : ил. – ISBN 5-938780-93-4.
37. Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: антология / под общей редакцией В. П. Нерознака. – Москва: Academia, 1997. - 320 с. – ISBN 5-87444-045-3.

38. Седов К. Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности : Психо- и социолингвист. аспекты / К. Ф. Седов; под ред. О. Б. Сиротининой; ин-т рус. яз. и рус. лит. при филол. фак. Сарат. гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1999. – 179 с. – ISBN 5-292-02333-7.
39. Степанов Ю. С. Язык и Метод. К современной философии языка. / Ю. С. Степанов – М.: «Языки русской культуры», 1998. – 784 с. – ISBN 5-7859-0054-8.
40. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / Телия В. Н. ; Москва: Языки Славянской Культуры, 1996 – 288 с. – ISBN: 5-88766-047-3.
41. Фрумкина Р. М. Психолингвистика : учебник для студ. учреждений высш. проф. образования / Р. М. Фрумкина. – 5-е изд., испр. – М. : Издательский центр «Академия», 2014. – 336 с. – ISBN: 978-5-44-680305-7.
42. Фуко М. Археология знания / М. Фуко. – СПб.: Гуманитарная Академия», 2004. – 416 с. – (Ars Pura. Французская коллекция). ISBN: 978-5-93762-203-7.
43. Crystal D. The Encyclopedia of Language. / D. Crystal. – Second Edition. – Cambridge, Cambridge University Press, 1997. – 499 p. – ISBN: 0521559677.
44. Matthews P. The Concise Oxford Dictionary of Linguistics. / P. Matthews – Second Edition. – Oxford, Oxford University Press, 1997. – 450 p. – ISBN: 978-0-19-920272-0.
45. Summers D. Longman dictionary of contemporary English / D. Summers. – Fourth Edition. – Harlow, Longman, 2003. – 1949 p. – ISBN: 0-582-77646 2003.
46. Whitman W. The Leaves of Grass / W. Whitman. – М. : Т8RUGRAM / Original. – 604 с. – ISBN: 978-5-519-61373-6.

47. Merriam-Webster: America`s Most Trusted Dictionary. – Springfield, Massachusetts. – Обновляется в течение суток. – URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения 13.03.2024).

48. American Heritage Dictionary. – New York. – URL: <https://ahdictionary.com/> (дата обращения 13.03.2024).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Контексты вербализации концептов «вера» и «судьба» в поэтическом дискурсе Уолта Уитмена из сборника «Листья травы»

В приложении представлены контексты вербализации концептов «вера» и «судьба» в поэтическом дискурсе Уолта Уитмена, обнаруженные в сборнике «Листья травы». Отметим, что в некоторых отрывках стихотворений реализованы оба концепта. Для концепта «вера»:

1) из цикла "BY THE ROADSIDE"

"Gods":

Lover divine and perfect Comrade,
Waiting content, invisible yet, but certain,
Be thou my God.

Thou, thou, the Ideal Man,
Fair, able, beautiful, content, and loving,
Complete in body and dilate in spirit,
Be thou my God.

<...>

All great ideas, the races' aspirations,
All heroisms, deeds of rapt enthusiasts,
Be ye my Gods.

Or Time and Space,
Or shape of Earth divine and wondrous,
Or some fair shape I *viewing*, worship,
Or lustrous orb of sun or star by night,
Be ye my Gods.

2) иИз цикла «AUTUMN RIVULETS»

O Star of France:

"Dim smitten star,

Orb not of France alone, pale symbol of my soul, its dearest hopes,

The struggle and the daring, rage divine for liberty?"

Laws for Creations:

"What do you suppose Creation is?

What do you suppose will satisfy the Soul, except to walk free, and own no superior?

What do you suppose I would intimate to you in a hundred ways, but that man or woman is as good as God?

And that there is no God any more divine than Yourself?"

Vocalism:

«Vocalism, measure, concentration, determination, and the divine power to speak words;

Are you full-lung'd and limber-lipp'd from long trial? from vigorous practice? from physique?

Do you move in these broad lands as broad as they?

Come duly to the divine power to speak words?

For only at last after many years, after chastity, friendship, procreation, prudence, and nakedness,

After treading ground and breasting river and lake,

After a loosen'd throat, after absorbing eras, temperaments, races, after knowledge, freedom, crimes,

After complete faith, after clarifyings, elevations, and removing obstructions,

After these and more, it is just possible there comes to a man, woman, the divine power to speak words; ...»

The Return of the Heroes [2]:

«Over upon this stage,

Is acted God's calm annual drama...»

3) Из цикла «SONG OF THE OPEN ROAD» [13]:

«To see no being, not God's or any, but you also go thither...».

4) из цикла «INSRIPTIONS»

"For Him I Sing":

«I raise the present on the past,

(As some perennial tree out of its roots, the present on the past,)

With time and space I him dilate and fuse the immortal laws,

To make himself by them the law unto himself.»

"Beginners":

«How they are provided for upon the earth, (appearing at intervals;)

How dear and dreadful they are to the earth;

How they inure to themselves as much as to any—

What a paradox appears their age;

How people respond to them, yet know them not;

How there is something relentless in their fate, all times;

How all times mischoose the objects of their adulation and reward,

And how the same inexorable price must still be paid for the same great purchase»

5) ИЗ ПОЭМЫ «SONG OF MYSELF»:

5

«I believe in *you my soul*, the other I am must not abase itself to you,

And you must not be abased to the other.

Loafe with me on the grass, loose the stop from your throat,

Not words, not music or rhyme I want, not custom or lecture, not even the best,

Only the lull I like, the hum of your valvèd voice.

I mind how once we lay such a transparent summer morning,

How you settled your head athwart my hips and gently turn'd over upon me,

And parted the shirt from my bosom-bone, and plunged your tongue to my
bare-stript heart,

And reach'd till you felt my beard, and reach'd till you held my feet.

Swiftly arose and spread around me the peace and knowledge that pass all
the argument of the earth,

And I know that the hand of God is the promise of my own,

And I know that the spirit of God is the brother of my own,

And that all the men ever born are also my brothers, and the women my
sisters and lovers,

And that a kelson of the creation is love...»

6

«A child said *What is the grass?* fetching it to me with full hands;

How could I answer the child? I do not know what it is any more than he.

I guess it must be the flag of my disposition, out of hopeful green stuff
woven.

Or I guess it is the handkerchief of the Lord...»

20

«...*Why should I pray? why should I venerate and be ceremonious?*

Having pried through the strata, analyzed to a hair, counsel'd with doctors
and calculated close,

I find no sweeter fat than sticks to my own bones.

In all people I see myself, none more and not one a barley-corn less,

And the good or bad I say of myself I say of them.

I know I am solid and sound,

To me the converging objects of the universe perpetually flow,

All are written to me, and I must get what the writing means...»

21

«I am the poet of the Body and I am the poet of the Soul,
The pleasures of heaven are with me and the pains of hell are with me,
The first I graft and increase upon myself, the latter I translate into a new
tongue.»

22

«What blurt is this about virtue and about vice?
Evil propels me and reform of evil propels me, I stand indifferent,
My gait is no fault-finder's or rejecter's gait,
I moisten the roots of all that has grown.»

23

«Endless unfolding of words of ages!
And mine a word of the modern, the word En-Masse.

A word of the faith that never balks,
Here or henceforward it is all the same to me, I accept Time absolutely.»

24

«...Unscrew the locks from the doors!
Unscrew the doors themselves from their jambs!

Whoever degrades another degrades me,
And whatever is done or said returns at last to me.

I speak the pass-word primeval, I give the sign of democracy,
By God! I will accept nothing which all cannot have their counterpart of on
the same terms...»

<...>

Divine am I inside and out, and I make holy whatever I touch or am touch'd
from,

The scent of these arm-pits aroma finer than prayer,
This head more than churches, bibles, and all the creeds.»

32

«I think I could turn and live with animals, they are so placid and self-
contain'd,

I stand and look at them long and long.

They do not sweat and whine about their condition,
They do not lie awake in the dark and weep for their sins,
They do not make me sick discussing their duty to God,
Not one is dissatisfied, not one is demented with the mania of owning
things,

Not one kneels to another, nor to his kind that lived thousands of years ago,
Not one is respectable or unhappy over the whole earth.»

б) ИЗ ЦИКЛА «CALAMUS»

The Base of All Metaphysics:

«...Having studied the new and antique, the Greek and Germanic systems,
Kant having studied and stated--Fichte and Schelling and Hegel,
Stated the lore of Plato--and Socrates, greater than Plato,
And greater than Socrates sought and stated--Christ divine having studied
long,

I see reminiscent to-day those Greek and Germanic systems,
See the philosophies all--Christian churches and tenets see,
Yet underneath Socrates clearly see--and underneath Christ the divine
I see,

The dear love of man for his comrade--the attraction of friend to friend,
Of the well-married husband and wife--of children and parents,
Of city for city, and land for land.»

To the East and to The West:

«To the East and to the West;

To the man of the Seaside State, and of Pennsylvania,
To the Kanadian of the North--to the Southerner I love;
These, with perfect trust, to depict you as myself--the germs are in all men;
I believe the main purport of These States is to found a superb friendship,
exalté, previously unknown,

Because I perceive it waits, and has been always waiting, latent in all men.»

Among The Multitude:

«Among the men and women the multitude,

I perceive one picking me out by secret and divine signs,

Acknowledging none else, not parent, wife, husband, brother, child, any
nearer than I am,

Some are baffled, but that one is not — that one knows me.»

7) «THOU MOTHER WITH THY EQUAL BROOD»

6:

«Land tolerating all, accepting all, not for the good alone, all good for thee,

Land in the realms of God to be a realm unto thyself,

Under the rule of God to be a rule unto thyself...»

8) «SALUT AU MONDE!»

3:

«...I hear the tale of the divine life and bloody death of the beautiful
God the Christ...»

6:

«...I see the place of the idea of the Deity incarnated by avatars in human
forms,

I see the spots of the successions of priests on the earth, oracles, sacrificers,
brahmans, sabians, llamas, monks, muftis, exhorters,

I see where druids walk'd the groves of Mona, I see the mistletoe and
vervain, I see the temples of the deaths of the bodies of Gods, I see the old
signifiers.

I see Christ eating the bread of his last supper in the midst of
youths and old persons,
I see where the strong divine young man the Hercules toil'd
faithfully and long and then died,
I see the place of the innocent rich life and hapless fate of the
beautiful nocturnal son, the full-limb'd Bacchus,
I see Кнеph, blooming, drest in blue, with the crown of feathers on his head,
I see Hermes, unsuspected, dying, well-belov'd, saying to the people,
Do not weep for me,
This is not my true country, I have lived banish'd from my true country, I
now go back there,

I return to the celestial sphere where every one goes in his turn».

Для концепта «судьба»:

1) ИЗ ЦИКЛА «AUTUMN RIVULETS»

An Old Man`s Thought of School:

«...And you America,

Cast you the real reckoning for your present?

The lights and shadows of your future, good or evil?

To girlhood, boyhood look, the teacher and the school...».

Wandering at Morn:

«There ponder`d, felt I,

If worms, snakes, loathsome grubs, may to sweet spiritual songs be turn`d,

If vermin so transposed, so used and bless`d may be,

Then may I trust in you, your fortunes, days, my country;

Who knows but these may be the lessons fit for you?

From these your future song may rise with joyous trills,

Destin`d to fill the world.»

2) «THOU MOTHER WITH THY EQUAL BROOD»

4:

«Sail, sail thy best, ship of Democracy,

Of value is thy freight, 'tis not the Present only,
The Past is also stored in thee,
Thou holdest not the venture of thyself alone, not of the Western continent
alone,
Earth's resume entire floats on thy keel O ship, is steadied by thy spars,
With thee Time voyages in trust, the antecedent nations sink or swim with
thee,
With all their ancient struggles, martyrs, heroes, epics, wars, thou bear'st
the other continents,

Theirs, theirs as much as thine, the destination-port triumphant;»

5:

«How can I pierce the impenetrable blank of the future?

I feel thy ominous greatness evil as well as good,

I watch thee advancing, absorbing the present, transcending the past,

I see thy light lighting, and thy shadow shadowing, as if the entire globe,

But I do not undertake to define thee, hardly to comprehend thee,

I but thee name, thee prophesy, as now,

I merely thee ejaculate!»

3) Из цикла «SONGS OF PARTING»

Years of the Modern:

«...Years prophetic! the space ahead as I walk, as I vainly try to pierce it,
is full of phantoms,

Unborn deeds, things soon to be, project their shapes around me,

This incredible rush and heat, this strange ecstatic fever of dreams O
years!»

6:

«(Lo, where arise three peerless stars,

To be thy natal stars my country, Ensemble, Evolution, Freedom,

Set in the sky of Law.

<...>

The soul, its destinies, the real real,
(Purport of all these apparitions of the real;)
In thee America, the soul, its destinies,
Thou globe of globes! thou wonder nebulous!
By many a throe of heat and cold convuls`d, (be these thyself solidifying.)
Thou mental, moral orb – thou New, indeed new, Spiritual World!
The Present holds thee not – for such vast growth as thine,
For such unparallel`d flight as thine, such brood as thine,
The Future only holds thee and can hold thee.»

4) ИЗ ЦИКЛА «SONG OF THE OPEN ROAD»

1:

«Afoot and light-hearted I take to the open road,
Healthy, free, the world before me,
The long brown path before me leading wherever I choose.

Henceforth I ask not good-fortune, I myself am good-fortune,
Henceforth I whimper no more, postpone no more, need nothing,
Done with indoor complaints, libraries, querulous criticisms,
Strong and content I travel the open road.»

13:

«To know the universe itself as a road, as many roads, as roads for traveling
souls.

All parts away for the progress of souls,
All religion, all solid things, arts, governments—all that was or is apparent
upon this globe or any globe, falls into niches and corners before the procession
of souls along the grand roads of the universe.»